

AUSTRALIAN RUSSIAN LANGUAGE ALMANAC

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ХУДОЖЕСТВЕННО - ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ**

МОЯ АВСТРАЛИЯ

1

(2)

АПРЕЛЬ - МАЙ

1999

Елена ГОВОР

Do svidaniya, Russian

Октябрь 1991 года... Мы с мужем, недавние иммигранты из России, с группой студентов и преподавателей русского языка из Австралийского национального университета отправляемся на "русский уикенд" в Кайалоа. Это университетская база на берегу океана. Дым костра, деревянные домики, ограда из жердей, коровы, заглядывающие в двери столовой, вековой лес, начинающийся сразу за пастбищем—все удивительно напоминает русскую глубинку. И только неумолчный шум океанского прибоя, да топкие заросли мангров, отделяющие лагерь от побережья, говорят нам о том, что мы в Австралии. На берегу на километры уходят вдаль безлюдные песчаные пляжи, перемежающиеся со скалами, кричат птицы. Незаметно, с небольшой группой собеседников, мы доходим до места, где всего сто с лишним лет назад была стоянка аборигенов. И, стоя над раковинными кучами, мы продолжаем разговор о России—об августовском путче, о предстоящих выборах, о нашем решении остаться в Австралии...

Участники русского лагеря в Кайалоа. Ок. 1970 года

Мы возвращаемся на базу к вечеру. Рош Айрлэнд, как заправский австралийский пионер, жарит на старинной плите огромные куски баранины, кто-то из студентов ему помогает, другие собрались вокруг Маргарет Траверс и играют в русский скрэбл. Из угла доносится неуверенный наигрыш "Во саду ли, в огороде"—да это и впрямь русская балалайка, которая в руках у современной австралийской студентки выглядит как бутафория. Обед проходит весело, с русской водкой и австралийским вином; все менее смущаясь, студенты говорят по-русски, то и дело раздаются взрывы смеха когда кто-то пытается "крокодилить", т.е. вставлять английские слова. Впрочем, этому словечку учу их уже я, вспомнив свою поездку в лагерь эсперантистов в Прибалтике. Чем-то они мне и напоминают нас, эсперантистов - "эскапистов" брежневской поры.

Сыграем в русский скрэбл. Справа – Маргарет Траверс. Ок 1970 года.

Но вот обед окончен, гаснет электрический свет, мы усаживаемся вокруг стола, на котором горят свечи. Кевин Уиндл достает гитару и ударяет по струнам. И совершается чудо. Студенты начинают петь русские песни. "По Смоленской дороге..." сменяется "Полночным троллейбусом", затем следуют "Ой, да не вечер...",

"Степь, да степь кругом", "Выхожу один я на дорогу", "Бублички", "Ванинский порт" и десятки других, слов которых я сама никогда не знала до конца. Здесь, с английской предусмотрительностью, перед каждым тетрадь со словами песен, они поют всё от начала до конца. Но дело не в этом, главное, что эсперантистская искусственность начисто исчезла, и мне кажется, что эти австралийские девушки и юноши теперь понимают сердцем, что русский язык стоит изучать хотя бы для того, чтобы вот так неторопливо, со всеми повторами, спеть всем вместе эту печальную песню про смоленскую дорогу, которая пролегла за тысячи миль отсюда. Песню, спеть и понять которую можно только по-русски. А за окном, над затерянным среди буша Кайалоа, разгораются австралийские звезды, и нашим негромким голосам аккомпанирует треск цикад и тревожные крики разбуженных попугаев гала...

Австралийский интеллектуал Роберт Дессе в качестве повара в Кайалоа. Ок 1970 года

В этот день совершилось мое подлинное знакомство с русским отделением в Австралийском национальном университете (АНУ). Но первых вестников его я увидела гораздо раньше, еще в Москве перед отъездом в Австралию. В один из теплых летних вечеров наши друзья из Австралийского посольства в Москве пригласили нас на австралийско-русский обед. Веселый бородач Кайл Уилсон, советник посольства, рассказывал анекдоты о московских гаишниках с такими естественными интонациями, что не верилось, что австралиец может так перевоплотиться в русского. Ольга Уинн, которую в посольстве я видела строгой и деловой, посаждаемой толпами желающих выехать из России, стала сама собой—милой русской девушкой, которая выросла вдали от России, но всегда хранила мечту вернуться в Углич, на родину своих предков, и найти там свои истоки. Оба они, и Ольга и Кайл, были выпускниками русского отделения в АНУ. А своим наставником, "русским гуру" по выражению Кайла, они считали Хари Ригби, человека удивительно светлого, напоминавшего мне русского интеллигента прошлых времен. Немного позже я познакомилась с творчеством еще одного выпускника отделения—знаменитого австралийского писателя Роберта Дессе, утверждавшего, с присущей ему парадоксальностью, что с обычным русским в трамвае ему легче найти общий язык, чем со своим собственным соплеменником—бездуховным австралийцем.

И вот теперь мы в Австралии, в Кайалоа, при рождении чуда, когда гитара Кевина рассыпает невидимые семена любви к России, всходы которых пробьются еще неизвестно где и как. А в далекой России в это время кипят страсти—Ельцин, Горбачев, гекачеписты, развал Советского Союза, очереди за продуктами, красочные бои в Грузии. Кажется, что на экранах телевизоров Russia являет всему миру бесконечное театральное действие, где декорациями становятся города, а актерами—подлинные люди. Не удивительно, что в начале следующего, 1992 учебного года, наше русское отделение побило все рекорды, приняв 50 новых студентов. Меня пригласили работать на первом курсе, и три раза в неделю я повторяла один и тот же урок в трех группах—"книга на столе", "книга на столе"—и вместе со студентами стремилась скорее перескочить через эти нудные падежи. Как-то, в последний день перед каникулами, на урок пришло всего две девочки, которые с ужасом ждали, что им придется отдуваться за всех. Поджидая остальных, мы незаметно разговорились о России и проговорили весь урок. Уходя они сказали, что за этот час они получили больше, чем за всю четверть. Как же велик тогда был интерес к моей Родине! И вот уже через год-два мы говорили на настоящем русском, читали русские стихи, спорили о книгах русских писателей. Жизнь на нашем отделении бурлила—три штатных преподавателя, несколько почасовиков из русских иммигрантов новой волны, аспирант Субаш Джайрет—индиец, в совершенстве освоивший русский и занимавшийся русским театром,—русские визитеры, поездки преподавателей и студентов в Россию, доклады, победы на конкурсах студенческих работ, студенческий "Кружок", Кайалоа, сборы в гостеприимном доме у Роша, сначала в Канберре, а затем на его лошадиной ферме в Бурра Крик.

Но постепенно все начало меняться. Поползли слухи, что кого-то уволят, а отделение, не приносящее должной прибыли,—закроют. Количество студентов, и без того не такое уж большое, стало уменьшаться. Рош Айрлэнд и Маргарет Траверс, наши ветераны, чтобы спасти отделение ушли в "добровольно-принудительную" отставку. Но и это не помогло. В марте 1998 г. начальство объявило, что со следующего года отделение будет закрыто, последний преподаватель, Кевин Уиндл, уволен, а первокурсники, зачисленные в этом году, должны прекратить занятия. Я тоже потеряла свою работу почасовика. На следующий день мы все вместе, студенты и преподаватели, стояли в пикете у входа в администрацию университета и дружно скандировали самый популярный лозунг тех дней "Nyet—cuts!". Этот лозунг появился на плакатах, расклеенных по всему университету, на майках студентов. Посыпались письма университетскому начальству и в "Canberra Times"; одно из писем, написанное первокурсником, только-только освоившим первые русские слова, было озаглавлено

"Da svidanya to Russian at the ANU". Первокурсники, кстати, проявили себя настоящими героями—целый год, без надежды получить официально учитываемые баллы, они занимались русским с Маргарет, которая бесплатно вела занятия. Другие бывшие преподаватели тоже помогали как могли вести занятия с оставшимися студентами.

Как бы мне хотелось закончить этот рассказ счастливо—мы победили, мы отстояли наш русский. Но увы, университетское начальство не склонно на сентименты. Видно пришла пора навсегда сказать "Do svidaniya, Russian!", прости, и не наша вина, что русское отделение не дотянуло всего пару лет до своего золотого 50-летнего юбилея, который должен был бы состояться в 2001 году.

По просьбе "Моей Австралии" Рош Айрлэнд, ветеран русского отделения, рассказывает о его истории.

Рош Айрлэнд

Русский язык в Австралийском национальном университете

Краткий исторический очерк

Русский язык начали преподавать на отделении современных языков в Университетском колледже Канберры в 1951 году. В то время это был своего рода филиал Мельбурнского университета, в котором с 1946 года русский язык преподавала Нина Михайловна Кристесен. Канберрские студенты первоначально сдавали экзамены преподавателям из Мельбурна.

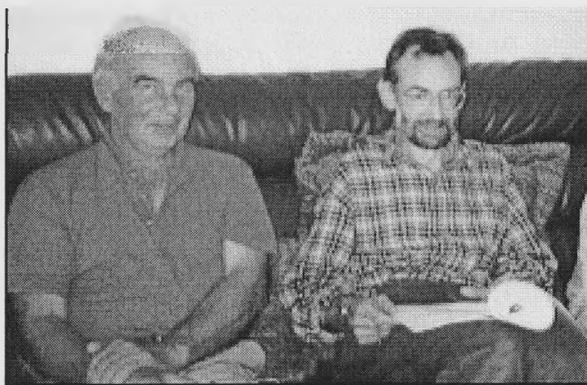
Университетский колледж Канберры был полон новаторского духа и в 1954 году пригласил политолога Хари Ригби возглавить молодое отделение. Хари вспоминает, что в те годы отношение к русскому языку отражало общее отношение к России—для специалистов по Западной Европе она не была достаточно "европейской страной", а для отделений, специализирующихся по более экзотическим языкам и культурам, она была слишком европейской. Не удивительно, что при административном структурировании колледжа русский язык сначала сочли восточным языком и он преподавался на отделении восточных языков, затем победила точка зрения, что это европейский язык и его присоединили к отделению французского языка, и, наконец, к отделению современных языков. По существу же это было самостоятельное подразделение, предоставлявшее четырехлетний курс обучения.

К 1959 году здесь уже было трое преподавателей: Хари Ригби, который только что вернулся из Москвы, где он проработал полтора года вторым секретарем в Британском посольстве, изучая политические процессы в Советском Союзе; Иван Иванович Гапанович, историк, специалист по русскому Дальнему Востоку, бывший профессор Национального университета Син-Хуа в Пекине; и Рош Айрлэнд, выпускник Кембриджа, который свой первый русский опыт также получил в Британском посольстве в Москве. Через четыре года Университетский колледж вышел из-под опеки Мельбурнского университета и влился в молодой Австралийский национальный университет (АНУ).

Русское отделение с самого начала провозгласило, что его специализацией является современный Советский Союз, и, следуя негласному разграничению направлений с русскими отделениями в других университетах (в 1960-х годах русские отделения возникли в Университете Монаша в Мельбурне и в Университете Квинсленда), ориентировало АНУ на формирование библиотечных коллекций литературы, посвященной преимущественно советской России. Основа русского библиотечного фонда была заложена благодаря закупкам книг, которые Хари Ригби осуществлял в Москве в конце 1950-х годов, и вскоре австралийское собрание не уступало аналогичным фондам молодых английских университетов, где русский тоже начали преподавать в начале 1960-х годов. С конца 1950-х годов библиотека АНУ не скупилась и на приобретение "толстых" литературных журналов, и к настоящему времени полные комплекты большинства из них хранятся в ее фондах. Позже польская община подарила библиотеке АНУ собрание, названное Библиотека тысячелетия Польши. Оно насчитывало около 2000 томов, которые стали украшением славянского фонда. Библиотека также приобрела собрание Сергея Парамонова, русского историка, писателя и энтомолога, который много лет жил в Университетском доме. При библиотеке был создан и Архив русской иммиграции, в котором хранятся представляющие историческую ценность материалы русских иммигрантов.

В начале 1960-х годов, когда интерес к постсталинской России был особенно велик, АНУ заключило соглашение с Московским государственным университетом об обмене учеными и аспирантами. Соглашение действовало много лет и было приостановлено лишь на короткое время в 1980-х годах, когда правительство М. Фрейзера прекратило культурные связи с Советским Союзом после его вторжения в Афганистан. Первым ученым, который отправился в Москву благодаря этому соглашению, была Дафни Голлан, историк. В дальнейшем многие русские преподаватели и аспиранты смогли совершить поездки в Москву длительностью до полутора лет. Соглашение было пересмотрено в 1994 г. в связи с изменившейся ситуацией в России, но новый текст так и не был утвержден АНУ. Соглашение между АНУ и МГУ с самого начала, в то время когда подобные соглашения между другими вузами еще не заключались, предусматривало возможности для участия в нем и ученых из других университетов Австралии и Советского Союза, и таким образом оно было по существу национальным соглашением о научном обмене.

Для австралийских исследований в области славистики это соглашение имело огромное значение, так как благодаря ему на протяжении тридцати лет практически все аспиранты русского отделения и многие научные работники, занимавшиеся Россией на других факультетах, смогли совершенствовать свой русский язык или собирать материалы для научной работы стажирясь в МГУ. Многие использовали эти возможности в полной мере, и, несмотря на неизбежные трудности жизни и научной работы в СССР в то время, подготовили блестящие научные работы. Например, Катерина Кларк (дочь историка Мэннинга Кларка) написала работу о писателях периода "оттепели", Роберт Дессе—монографии о творчестве Олеси и Тургенева, Аманда Меткалф—о Евгении Шварце, Кайл Уилсон—тонкое исследование о советском театре 1970-х годов (к сожалению незавершенное), искусствовед Саша Гришин—о строгановской школе живописи 16-17 веков.

Рош Айрлэнд и Кевин Уиндл. 1997 год.

Кроме того, на протяжении почти пятнадцати лет, до вторжения России в Афганистан, русское отделение использовало ставку четвертого преподавателя, приглашая специалистов из МГУ сроком на год и более, чтобы вести занятия со студентами, изучающими русский язык в АНУ, которые, благодаря этому, получали возможность заниматься под руководством специалистов и непосредственных носителей языка. Впоследствии русское отделение постоянно приглашало недавних русских иммигрантов—специалистов-преподавателей либо гуманитариев из других областей—вести занятия со студентами, многих из них выпускники отделения вспоминают до сих пор с большой теплотой.

Как мы уже отмечали, первоначально азам русской грамматики студентов обучал один из ведущих мировых кремленологов Хари Ригби, который впоследствии перешел на исследовательскую работу в Научной школе социальных исследований. Его сменила Маргарет Траверс, специалист по грамматике, которая переехала в Канберру из Мельбурна; не последнюю роль в ее переходе в АНУ сыграло и ее увлечение полетами на спортивных самолетах, для чего в Канберре были прекрасные условия.

В начале 1970-х годов на отделении европейских языков, частью которого являлось русское отделение, начались преобразования, первоначальная ориентация русского отделения начала меняться. Когда русское отделение возглавил профессор Де Брей, выдающийся филолог, оно было преобразовано в кафедру славянских языков, первую такого рода в Австралии. На отделении начали преподавать польский, церковнославянский язык и сравнительную славянскую филологию. Назначению нового профессора предшествовало, кстати, назначение нового секретаря, Кейт Норт, которая знала русский язык и обладала уникальным опытом работы в новозеландской миссии в Москве еще в сталинские времена. В это же время на отделении начал работать Роберт Дессе, единственный выпускник отделения, который защитил здесь и магистерскую и докторскую диссертации. Некоторое время спустя он перешел на работу в Эй Би Си. Его неординарная личность наложила свой отпечаток на отделение—и после его ухода еще долго сохранялась предложенная им причудливая структура изучаемых предметов и спецкурсов.

После того как профессор Де Брей вышел в отставку, Университет предложил русскому отделению вернуться к своей прежней специализации в области современной русистики, сохраняя связи с русистами и советологами на научных отделениях университета, однако на отделении сохранился и интерес к польскому и восточно-славянским языкам. Вновь было восстановлено отделение современных европейских языков с русским подотделом. Очередного преподавателя из России пригласить не удалось, но три основных ставки сохранились, к постоянно работавшим Рошу Айрлэнду и Маргарет Траверс прибавился третий преподаватель—Кевин Уиндл, полиглот, знающий 12 языков, переводчик, филолог и блестящий преподаватель.

До начала перестройки в России АНУ, имевший около 15 специалистов, занимавшихся непосредственно Советским Союзом и Восточной Европой, являлся ведущим австралийским научным учреждением в данной области. Университетский комитет по делам Советского Союза и Восточной Европы имел до 50 членов в самом университете и еще 35 в других учреждениях Канберры. Однако ученые предпочитали вести свои исследования на соответствующих отделениях и факультетах университета, не объединяясь в одном центре, как это было сделано в Мельбурне. С изменением ситуации в мире начали меняться и приоритеты университета, уменьшался интерес к посткоммунистическим странам, возрастал интерес к странам Азии.

В начале 1990-х годов русский язык пережил последний всплеск интереса—неожиданно на первый курс поступило рекордное количество студентов, около 50, эта волна принесла отделению первые университетские медали, завоеванные студентами, изучающими европейские языки. Интересно, что предыдущее рекордное число студентов пришлось на время хрущевской десталинизации. Увы, интерес к России был недолговечным, и по мере ельцинизации страны число студентов падало, и, наконец, преподавание русского языка решено было прекратить.

Изучение языка в университете может быть самоцелью, но чаще—это гора, которую надо одолеть прежде чем внизу, за перевалом, перед вами откроются дороги, ведущие в долину культуры. Подъем на русскую гору—один из труднейших, но он вознаграждает победителя сторицей. Проблема нашего русского отделения была в том, что хотя оно привлекало к себе сильных студентов (а русские студенты АНУ чаще, чем студенты других университетов, побеждали на конкурсах сочинений австралийских отделений славистики и единственные удостоивались чести быть напечатанными), число их чаще всего было недостаточно велико.

В начале нашего века комиссия под руководством Литса, исследовавшая положение с изучением современных языков в системе английского образования, пришла к следующему заключению: «Современное обучение в университете должно иметь всесторонний характер. Язык, литература и филология должны соседствовать с историей в самом широком смысле слова и, кроме того, должны приниматься во внимание индивидуальные склонности студентов». Аналогичную цель имело и преподавание русского языка в АНУ. Тысяча с лишним студентов, которые изучали здесь русский язык, могут теперь судить, насколько нам удалось приблизиться к этой цели.

Перевод с английского Елены Говор

